

Фонетика заимствований и заимствованная фонетика в русском говоре с семифонемным вокализмом: основы, содержащие е-образные фонемы

1.0. Как известно, в русских говорах с семифонемным вокализмом под ударением различаются две фонемы «типа е»; далее мы будем обозначать их как /e/ и /ê/. Фонема /e/ восходит к *e, *ь, фонема /ê/ — к *ě. Заимствованные слова, этимоны которых содержат ударный гласный e, в таких говорах вынуждены получать одну из двух огласовок: /e/ или /ê/. Насколько нам известно, принципы выбора одной из этих двух огласовок заимствованных основ в семифонемных говорах практически не изучены.

Аналогичную проблему представляет собой огласовка заимствований, этимоны которых содержат ударный гласный o. В говорах с семифонемным вокализмом такие слова вынуждены получать одну из двух огласовок: /o/ или /ô/, при том что в исконной лексике, в идеальном случае, фонема /o/ восходит к *o или к *o под праславянским «нисходящим ударением», а фонема /ô/ — к *o под праслав. «восходящим ударением». Выбор между /o/ и /ô/ в словоформах и словах книжного характера и в словах, место ударения которых отличается от раннедревнерусского, по памятникам письменности и некоторым говорам кратко охарактеризован в (Зализняк 1985 (2010): 176–177), где указывается, что в разные исторические периоды принципы выбора /o/ или /ô/ под «новым» ударением были разными и что для книжных слов характерна фонема /o/ (открытое), как и для слов с поздним сдвигом ударения. Материал по /o/ и /ô/ в заимствованных основах приводится в приложении к работе (Николаев 2015). В этой работе к числу заимствований в говорах отнесена очень разнообразная лексика: как слова иноязычного происхождения, так и исконная лексика, вошедшая в говоры через посредство литературного языка, городского просторечия, профессиональных языков и т. п.

В настоящей работе мы используем материал, записанный в селе Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл. На данный момент материал по говору представлен двумя электронными ресурсами: базой данных в формате STARLING, построенной С. А. Крыловым на основе расшифровок аудиозаписей в фонетической транскрипции, выполненных А. В. Малышевой и авторами настоящей работы, общим объемом около 80 тыс. словоформ, и

Корпусом говора с. Роговатое [<http://www.parasolcorpus.org/Rogovatka/>], где аудиозаписи были аннотированы на литературном языке, объемом около 100 тыс. словоформ. Данные, использованные для создания этих двух ресурсов, не пересекаются. Для базы данных и корпуса использованы записи спонтанной речи 15 информантов старшего возраста (1919–1949 г. р.) и ответы некоторых из них на вопросники. Материал по огласовке заимствований взят только из записей спонтанной речи.

Село Роговатое, основанное в первой половине XVII века на месте сторожевой станицы, расположенной непосредственно на Кальмиусской сакме, населено в основном выходцами из Ливен и междуречья Дона и Воронежа (Зеленин 1913). Село расположено на севере Слобожанщины и в разное время относилось к Киевской, Харьковской, Воронежской губерниям; в 1950-е гг. отнесено к Белгородской обл. Это третий по величине населенный пункт Старооскольского р-на, где проживает более 3 тыс. жителей, с развитой инфраструктурой, сравнительно высокой занятостью населения (на землях села расположены объекты фирмы «Оскольский бекон»), с большим числом культурных учреждений (11-летняя школа, библиотека, два клуба, два музея). Благодаря активной позиции сельской интеллигенции, администрации и жителей в селе поддерживаются народные культурные традиции, в частности, существует два фольклорных коллектива; местный говор обладает определенным престижем.

Говор Роговатого относится к Оскольской группе южнорусского наречия. Ему свойственна архаическая система вокализма с семью гласными фонемами под ударением и архаическим типом аканья/яканья в 1-м предударном слоге. В морфологии присутствуют особенности юго-восточных говоров, распространенные в донско-окском ареале, и юго-западных, свойственных деснинскому ареалу говоров.

1.1. Географическое положение села и его вхождение в состав названных выше территориально-административных образований обусловило характер межязыковых контактов носителей говора. Со второй половины XVI в. по настоящее время говор контактирует с украинским языком (в частности, сейчас в Роговатом постоянно проживает небольшое число украинцев), что в нем отражается на всех языковых уровнях; однако школьное обучение на русском языке, обучение литературной норме русского языка и влияние русскоязычных средств массовой информации в значительной степени сгладили результаты влияния украинского языка, по крайней мере в морфологии (Гер-Аванесова 2015). Заимствования из украинского языка в настоящей работе не рассматриваются, поскольку в интересующем нас аспекте они полностью

адаптированы к фонетике русского говора. Исключение составляют отдельные фамилии украинского происхождения, которые, впрочем, вошли в употребление не вследствие непосредственных контактов с носителями украинского языка.

В небольшом количестве в говоре представлены лексические заимствования из идиш, указывающие на контакты с носителями идиш (до Второй мировой войны), либо на контакты со славянским населением, украинским или русским, в речи которого присутствовали заимствования из идиш.

Важным и в значительной своей части — наиболее старым из рассматриваемых нами пластов заимствованной лексики говора являются церковнославянизмы, представленные именами собственными, их производными и некоторым количеством нарицательных имен и глаголов, вошедшими в церковнославянский из греческого или через его посредство, и словами с неполногласием в основе.

подавляющее большинство рассмотренных ниже слов представляют собой относительно недавние заимствования, вошедшие в употребление носителей говора из русского литературного языка, его разных функциональных стилей, городского просторечия, профессиональных языков. Ниже мы рассматриваем слова, вошедшие в говор из этих идиомов, как единую группу, условно называя ее заимствованиями из литературного языка. Через посредство литературного языка и названных идиомов заимствованы слова из европейских языков, причем наиболее старые заимствования из европейских языков, по-видимому, вошли в говор из городского просторечия. Как заимствования из литературного языка рассматриваются слова славянского происхождения, фамилии государственных деятелей и некоторые географические названия.

Перечисленные группы заимствований, разумеется, не претендуют на полный охват всех источников заимствованной лексики в говоре, а выделены с точки зрения нашего материала: имеющих в нашем распоряжении примеров заимствованных слов, в основах которых имеются фонемы /e/ и /ê/. Не рассматриваются в работе заимствования в праславянский язык.

1.2. Фонемы /e/ и /ê/ в говоре Роговатого различаются достаточно отчетливо наличием/отсутствием *и*-образного элемента в начале звучания гласного: фонема /ê/ представляет собой дифтонг [ие], в котором [и]-образная часть имеет достаточно большую длительность, достигая иногда 2/3 общей длительности гласного (см. рис. 1–3); у фонемы /e/ *и*-образная начальная часть полностью отсутствует (см. рис. 4–6). Столь ярко выраженные дифтонги — репрезентанты фонемы /ê/ характерны для восточных и юго-восточных говоров с семифонемным вокализмом; северным и небольшому числу известных

западных говоров с семифонемным вокализмом сильная дифтонгичность /ê/ (а также /ô/) не свойственна (Высотский 1967; Савинов 2013). Разумеется, и в восточных и юго-восточных говорах, в том числе в говоре Роговатого, в определенных фразовых позициях происходит позиционная «монофтонгизация» дифтонгов, обусловленная краткостью или нечеткостью произнесения; при этом может наблюдаться плавный переход от *и*-образного к *е*-образному гласному. Такой тип произнесения не означает утраты противопоставления двух фонем и не свидетельствует об их нейтрализации¹.

Средняя длительность ударных репрезентантов /ê/ не превышает среднюю длительность репрезентантов /e/ (Дьяченко 2015: 244–297).

В ряде работ на основе аудитивных наблюдений делается вывод о том, что для говоров с семифонемным вокализмом характерна «полумягкость» или даже твердость согласных перед гласными переднего ряда; лишь в немногих говорах отсутствие смягчения наблюдается и на конце слова (Брок 1907; Высотский 1967; Пауфошима 1973; Касаткин 2007). В последнее время на материале говора Роговатого установлены акустические корреляты «полумягкости» согласных перед гласными переднего ряда: значительное повышение F2 на начальном участке гласных [e] и [и] после губных (рис. 1, 4, 5), менее выраженное повышение F2 на начальном участке [и] после зубных (рис. 2, 3), отсутствие изменения F2 на начальном участке [e] после зубных (рис. 6) — отражение коартикуляции гласных [и] и [e] и предшествующих «немягких» согласных (Дьяченко 2017: 11–34). По характеру коартикуляции согласных с последующими гласными переднего ряда говор Роговатого близок к английскому языку, а не к русскому литературному, см. (Кодзасов, Кривнова 2001: 170–173; Бондарко 1977: 65; Dellatre and others, 1955).

Неполное смягчение мы ниже обозначаем апострофом — знаком палатализации, как это делается в ряде работ, например (Брок 1907).

¹ Особенностью системы гласных звуков роговатовского говора является то, что зона образования гласного [e] отчасти пересекается с зоной образования [и]. В частности, оба этих гласных имеют очень переднее образование, их F2 имеет значения 2700–3000 Гц (ср.: гласный [e] русского литературного языка имеет F2 = 2000 Гц, гласный [и] — F2 = 2500 Гц [Князев, Пожарицкая 2005: 82]). Различия между этими гласными в говоре заключаются в подъеме, [e] обычно среднего или верхне-среднего подъема, [и] — верхнего подъема. Соответственно, для [e] значения F1 = 450–500 Гц, для [и] F1 = 400–450 Гц.

Рис. 1. Дифтонг [иэ] на месте *ѣ в слове *поспела* [пasp'и́ела]. (На спектрограмме видно небольшое повышение F2 в начале дифтонга — отражение коартикуляции «мягкого» [п] и следующего [и]; видно также понижение F1 и F2 в конце дифтонга перед твердым [л]; переходная часть между [и] и [е] среднего подъема передне-среднего ряда занимает примерно половину длительности дифтонга, ср. также рис. 2.)

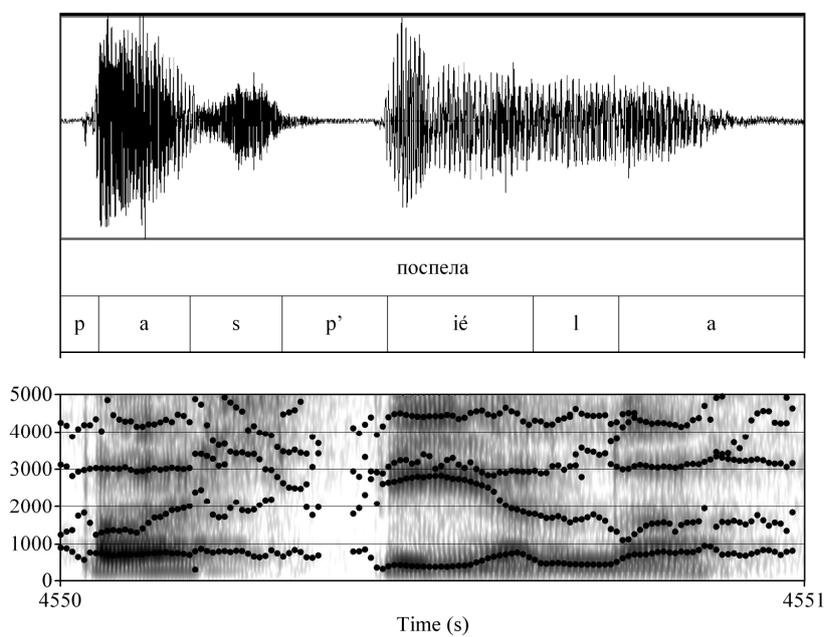

Рис. 2. Дифтонг [ие] на месте *ѣ в слове *надела* [над'иэла].

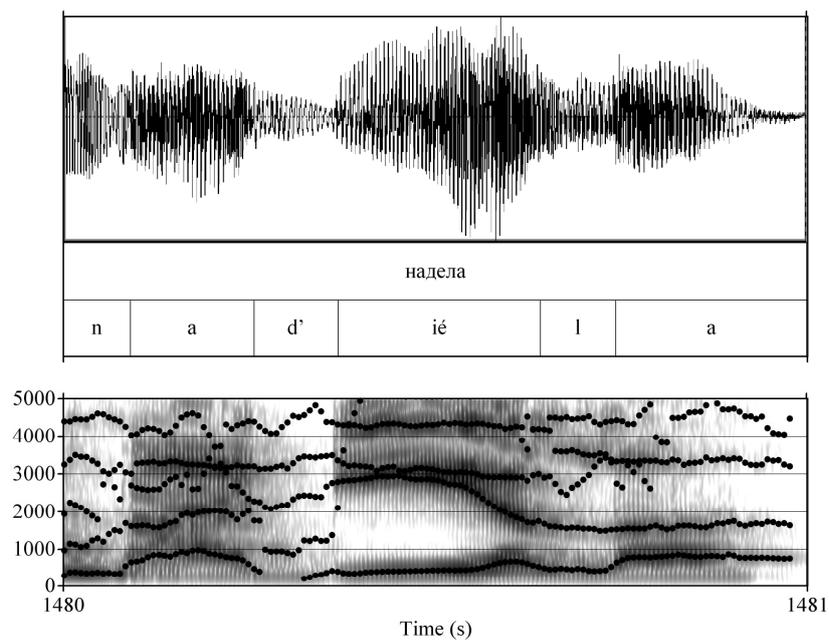

Рис. 3. Дифтонг [ие] на месте *ѣ в слове *сидели* [с'ид'иél'и]. (На спектрограмме видно небольшое повышение F2 в первой трети дифтонга как отражение коартикуляции «немягкого» [д] и следующего [и]; стационарная часть [и] приходится примерно на вторую треть дифтонга; чуть более чем последняя треть дифтонга соответствует переходному участку между [и] и [е] и довольно краткому [е] верхне-среднего подъема передне-среднего ряда; переходная часть между [и] и [е] очень краткая, по сравнению с [ие] перед твердым согласным, см. рис. 1–2.)

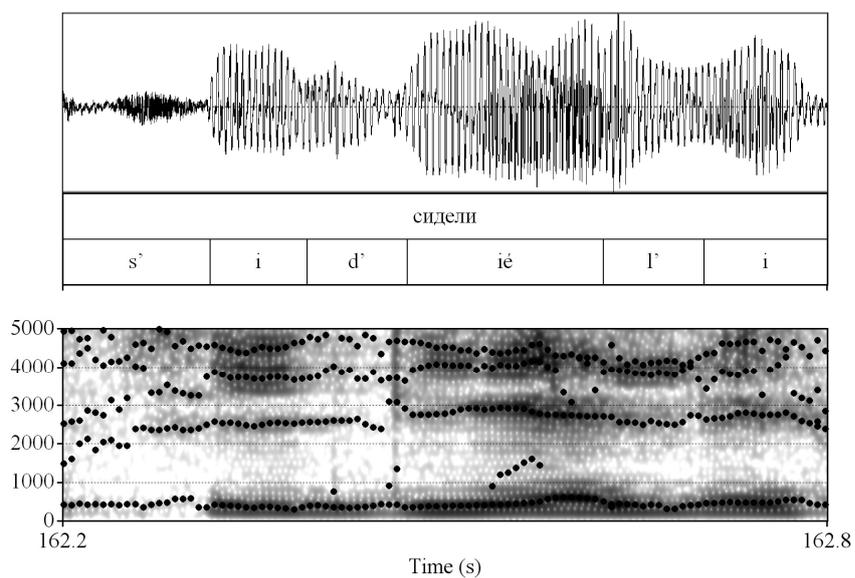

Рис. 4. Монофтонг [e] на месте *e после губного согласного в словоформе 3 ед. *намеле* [нъм'ѐл'е] (На спектрограмме видно значительное повышение F2 в начале гласного как отражение коартикуляции «немягкого» [м] и следующего [e], имеющее меньшую длительность, чем плавный коартикуляционный участок в начале [и] после губного, ср. рис. 1.)

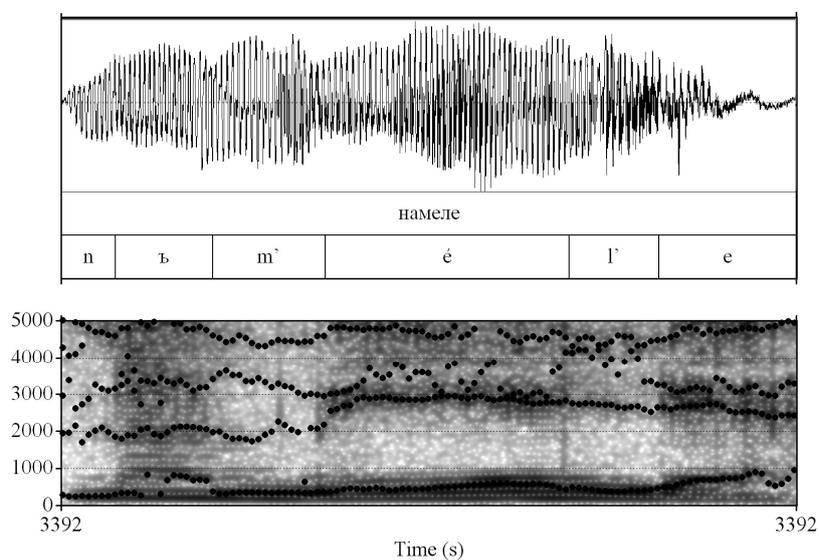

Рис. 5. Монофтонг [e] на месте *e после губного согласного в словоформе 2 ед. *сожмешь* [с'ж'м'эш'] (на спектрограмме видно повышение F2 в начале гласного как отражение коартикуляции «немягкого» [м] и следующего [e], ср. рис. 4).

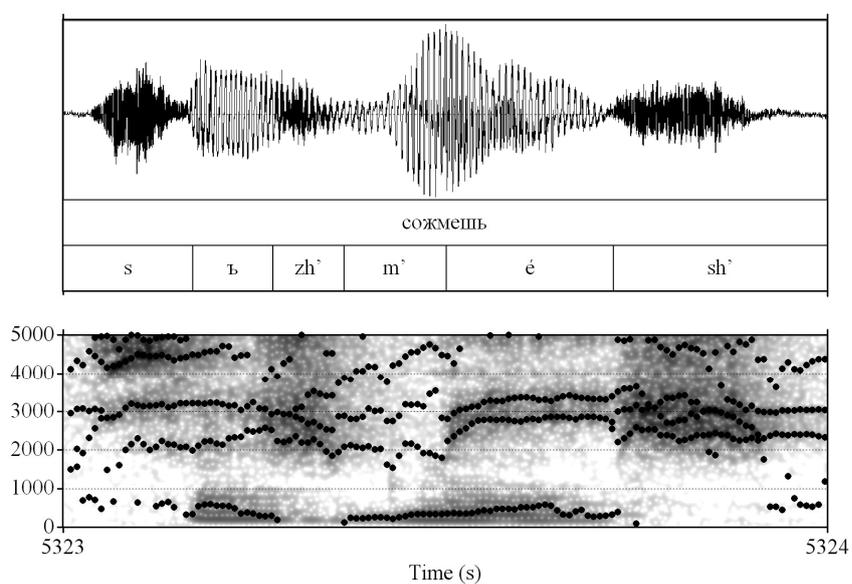
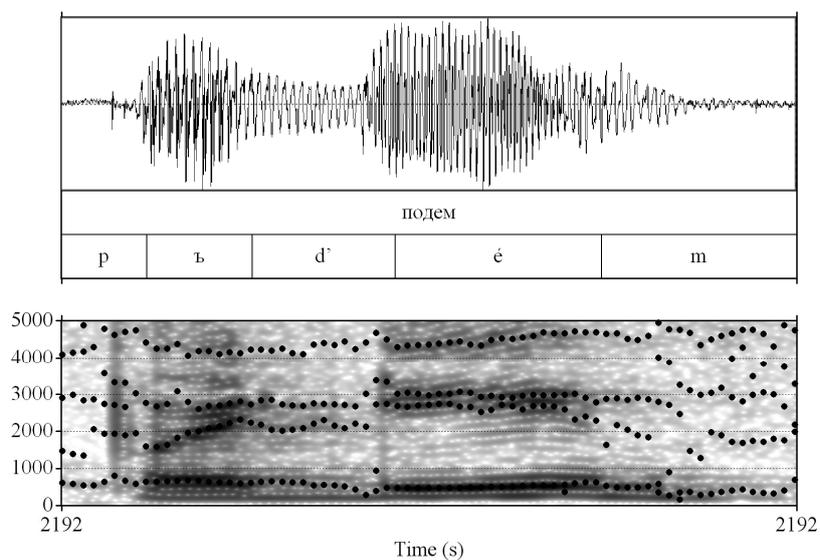

Рис. 6. Монофтонг [e] на месте *e после зубного [д] перед твердым губным [м] (на спектрограмме видно отсутствие существенного изменения F1 и F2 вплоть до конечной фазы; в конце звучания гласного F2 понижается, что соответствует коартикуляционному участку на стыке [e] и твердого [м]).

1.3. Колебания в употреблении /e/ и /ê/ в составе морфем и словоформ в говоре Роговатого невелики, и часть их приходится на заимствованные слова. По-видимому, большинство приводимых ниже заимствованных слов представляют собой освоенные слова, о чем говорит относительная стабильность огласовок их ударных слогов в речи разных информантов. Необходимо иметь в виду, что многие из ныне освоенных слов вошли в употребление в Роговатом, когда старшее поколение носителей говора уже были взрослыми людьми (часть слов, представленных в разделах 4, 5, частично — в разделе 2). Неосвоенные или недостаточно освоенные слова представлены в разделе 4.3, к их числу относятся и некоторые собственные имена (см. 2.1 и 4.2). Заимствованные слова, несомненно, усвоены из устных источников.

Различие фонем /e/ и /ê/ (а также /o/ и /ô/) отчетливо осознается носителями «семифонемных» говоров, см., напр., относительно Леки (Шахматов 1914), Арзубихи Харовского р-на Вологодской обл. (Тер-Аванесова 2008), в том числе и носителями говора Роговатого². Так, в Роговатом нам говорили, что в словах *хлеб* ([хл'иеп]) и *Глеб* ([γ'леп]), *цеп* ([цыеп]) 'орудие ручной молотбы' и *цель* ([цель']) произносятся разные гласные звуки, причем без каких-либо наводящих вопросов с нашей стороны. Подобные примеры можно многократно умножить. Носители «семифонемных» говоров без труда определяют наличие/отсутствие пар гласных /e/ и /ê/, /o/ и /ô/ в инодиалектной речи, в речи конкретного человека; они знают из опыта и из школьного обучения, что в русском литературном произношении этих противопоставлений нет.

Для вопроса об огласовке заимствованных слов важно то, как носители «семифонемных» говоров осознают соотношение пар /e/ и /ê/, /o/ и /ô/ с написанием букв «е» и «о» (в прошлом — и буквы «ѣ») и каково, по их мнению, правильное чтение этих букв. Это одна из любимых тем «металингвистических» рассуждений носителей «семифонемных» говоров, обычно они первыми обращают внимание диалектолога на то, что в русской азбуке не хватает букв, чтобы передать на письме то, как они говорят. По всей вероятности, это объяснение вынесено ими из школы. В послереволюционных школах учат записывать пары этих гласных одной буквой (ср. приводимый А. А. Шахматовым рассказ И. С. Гришкина о том, как его учили писать в школе

² Напротив, не осознаются ими чередования предударных гласных по правилу диссимилятивного аканья/яканья, что, в частности, свидетельствует об автоматическом характере этих чередований (так, некоторые жители Роговатого считают, что они говорят «на а и на я», и при скандировании действительно нередко, но не всегда, произносят предударное [а] независимо от качества гласного ударного слога).

д. Лека Егорьевского у. Рязанской губ., когда в русской азбуке была буква «Ѣ»; Гришкин и его одноклассники сами обратили внимание неместного учителя на трудности соотнесения [o] и [yo] с написанием (Шахматов 1914)). При этом все без исключения информанты считают, что буква «е» «правильно» должна читаться как монофтонг [e] (а не дифтонг [ие]), а буква «о» — как [o] (а не [yo]). Оба дифтонга в их представлении — это специфически диалектные звуки, мало похожие на *e* и *o* (ср. термин И. С. Гришкина «фальшивое о»).

Это представление не является непосредственным «руководством к действию»: читая вслух, носители говоров произносят знакомые им слова в соответствии с тем, как они произносятся в говоре, а незнакомые — обычно с ударными монофтонгами /o/ и /e/. Далее, пытаясь найти литературный эквивалент диалектному слову, информанты (наиболее молодые и образованные из них, в первую очередь АФ), произносят это слово с монофтонгом. Как можно видеть дальше, некоторый разницей в огласовках заимствованных слов можно объяснять тем, что более молодые информанты стремятся произнести то или иное слово «на литературный лад».

Это представление находится в конфликте с тем обстоятельством, что в литературном языке и подавляющем большинстве русских «пятифонемных» говоров ударные гласные *e* и *o* являются дифтонгоидами, т. е. похожи по звучанию скорее на диалектные дифтонги [ие], [yo], а диалектные монофтонги [e] и [o] носителю литературного произношения «режут слух» (Высотский 1967).

Можно думать, что, усваивая (из литературного языка) новые слова, носители «семифонемных» говоров ориентируются на один из двух принципов: произносить в этих словах «правильные, литературные» монофтонги («говорить по-писаному») — или, подражая реальному литературному произношению, произносить дифтонги. Свидетельства того, что имитация литературного произношения имела место при усвоении новых слов из литературного языка, находим и в произношении безударных гласных, см. в разделе 5.

2. Заимствования из церковнославянского языка

2.1. Личные христианские имена в речи жителей Роговатого встречаются в народных (диалектных) и в канонических (церковнославянских) формах; у части имен диалектные, литературные, разговорные и канонические формы совпадают (о различии этих форм см. (Успенский 1969)). В основах личных имен и образований от них — притяжательных прилагательных, отчествах, фамилиях, гипокористических формах — ударные гласные

/e/ и /ê/ позиционно распределены: перед *j* выступает /ê/ (редко /e/), не перед *j* — /e/.

Перед *j* фонема /ê/ зафиксирована не только в основах мужских имен *Алексѣй*, *Андрѣй* (наряду с *Андрей*), *Матвѣй*, *Федосѣй*, но и женских *Евдокѣя*, *Марѣя* (наряду с лит., ц.-слав. формой *Мария* — о пресв. Деве Марии):

Алексѣвна (отчество) *Св'етлѣнь Ъл'акс'ѣвна* ДР; *Ъл'акс'ѣвна* МА;

Андрѣй, **Андрѣвна** (отчество) *Андр'ѣй*; *Андр'ѣвнъ*; *Н'ич'áевъ*, *Й'елѣнь Андр'ѣвнъ* ЕН; *Андр'ѣй* МК; **Андрѣй**, **Андрѣев** (притяжат. прилаг.) *Дъ ѡ мы вѣт нашл'ѣ д'áд'и áндр'ѣиву пѣймáл'и шáнку*, *къллáк* ЕН, *И ур'ит': ѣтъ Н'еч'áеву пльв'ѣ*, *д'áд'я Ъндрѣй* ЕН;

Матвѣева (притяжат. прилагат., прозвище) *у нáз былá Ол'е*, *ѣтъ*, *Мат'в'ѣйевъ* ЕС;

Федосѣич *Х'в'идас'ѣич'* МК;

Евдокѣя *С'ѣр'икъвъ Йивдак'ѣйе* *Кузм'ѣн'шинъ* ЕС;

Марѣя *Цáрствъ ѣй ѡ'еб'ѣснѣь*, *Мар'ѣи*, *нѣв'пр'естáвл'енѣй* ЕН; **Марѣя** *Н'епáрѣч'нѣя д'ѣва Мар'ѣя* НИ.

В мужских именах /ê/ в говоре Роговатого соответствует литературному и разговорному украинскому [i] и отклоняется от написаний тех же имен по нормам русской дореволюционной и церковнославянской орфографии. Последние в основных чертах воспроизводят древние написания мужских имен, для которых характерны соответствия греч. -αιος : слав. -ѣи, греч. -εας : слав. -ѣи, греч. -ιος : слав. -ѣи, -ѣи, -ѣи. Русское литературное и современное церковнославянское написания, кроме того, зависят от места ударения (ударн. -ѣй, -ѣй — безударн. -ѣй):

Роговат. *Андрѣи*, *Андрѣи* укр. *Ондрій* — ст.-сл. *анъдреи*, *анъдреа*, ц.-слав. *Андрей* (Дьяченко 1900: 17), рус. лит. (дореволюц. орфография) *Андрей*, греч. *Ἀνδρέας*;

Роговат. *Алексѣй*, укр. *Олексій* — др.-р. *Алексиш*, ц.-слав. *Алексій* (Дьяченко 1900: 11), рус. лит. *Алексѣй*, греч. *Ἀλέξιος*;

Роговат. *Федосѣй* (в укр., по-видимому, только церковнославянское имя *Фе(о)-досі́й*) — др.-р. *Феодосии*, цслав. *Феодосі́й* (Дьяченко 1900: 860), рус. лит. *Федосѣй*, *Федосі́й*, *Феодосі́й*, греч. *Θεοδόσιος*;

Роговат. *Матвѣй*, укр. *Матвій* — др.-р., ст.-слав. *Матѣеи* (Супр.), *Маттѣи*, *Маттеи*, рус. ц.-слав. *Матѣей* (апостол евангелист Матфей), *Матѣий* (апостол Матфей, преподобн. Матфей) (Дьяченко 1900: 300; Успенский 1969: 215), рус. лит. *Матѣей*, *Матѣй*; в греч. святцах также дифференцированы *Ματθαῖος* (апостол Матфей) и *Ματθίας* (евангелист Матфей) (Успенский 1969: 217).

А. И. Соболевский указывает, что рус. написание *ѣ* в *Алексѣй* и некоторых других мужских именах греческого происхождения на -иосъ появляется под влиянием написаний имен на -аиосъ; написания личных имен с *ѣ* в соответствии с -иосъ, -ѣиосъ появляются уже в древнерусский период; А. И. Соболевским также приводятся древнерусские примеры написания женских имен на -ѣ(я), например, *Ювдокъѣ* в Мстиславовом Евангелии XIV в. (Соболевский 1907 (2004), 72–73). Украинское и русское диалектное произношение, тем самым, может восходить к древней традиции произношения канонических имен. Ударение на элементе -ѣй, -ѣя (-ия), согласно исследованию Б. А. Успенского, соответствует великорусской канонической традиции XVI–XVII вв. (Успенский 1969: 72–76).

Не перед *ј* в личных именах в говоре произносится [e], что в целом соответствует их церковнославянским написаниям, укр. и рус. лит. произношению и написанию, в том числе по правилам дореволюционной орфографии. Можно предполагать, что часть приводимых ниже христианских личных имен, имеющих канонические соответствия, вошли в употребление относительно недавно. Это можно предполагать об имени *Валерий*, а также, по-видимому, *Глеб* — единственном имени в списке, форма которого в говоре Роговатого отклоняется от «этимологически правильного» написания, ср. рус. *Глѣбѣ*, укр. *Глѣб*, род. *Глѣба*. Возможно, /e/ объясняется именно «новизной» этого имени. Обращаем внимание на [l] «среднее» — репрезентацию фонемы /л/ перед /e/, а также на регулярные «краткие» реализации фонем неверхнего подъема в первом предударном слоге ([ъ, е, и]), свойственные позиции перед ударным [e], а не [ие]:

Валѣрка *Вѣлѣрка* МП;

Глѣб *уѣп* НИ;

Демѣнтева (фамилия) *Д'им'ѣнт'ева* АД;

Елѣна, Лѣна, Лѣночка *Йѣлѣна, Лѣнѣч'к'а* 4х, *бабушкѣ Лѣнѣ* ЕН;

Матрѣнцев (фамилия или прозвище) *Мѣтр'ѣнцѣ* ЕС;

Пѣтька, Пѣтюшка Зв. *д'ат' П'ѣт'к'* АД; И. *П'ѣт'ушка, П'ѣт'к'а* НИ; Р. *у П'ѣт'ушк'и* НИ; *Хто ъд дарѣуу вам дѣвѣйе? А П'ѣтк'ъ уѣвѣр'ид: дѣ В'итк'е* МР; *П'ѣтк'ъ уѣвшѣл, а он л'уб'е канх'в'ѣты* МР; *П'ѣт'а* МК;

Сѣргов день (день памяти св. Сергия Радонежского, престольный праздник Роговатого) *С'ѣрѣв д'ен'*; *а С'ѣрѣвѣ д'ен' р'ѣл'и пр'иваз'ил'и* ЕС;

Фѣдька *А как ты бѣд'иш вот Хв'ѣдѣр, как ты бѣд'иш Хв'ѣт'к'е скъзѣт'?* АФ; ДР 4х.

2.2. Две основы церковнославянского происхождения — *апрѣль* и *калилѣсѣть* экспресс. ‘куролесить: вести себя неподобающим образом’ — имеют под ударением /ê/ не перед j:

апрѣль *Ньч'ал'и с апр'ѣл' м'ѣс'иць уже дѣват' НИ;*

калилѣсѣть *С'ид'и, н'е къл'ил'ѣс' ДР; Ына мѣжъ и къл'ил'ѣс'ит', и бурѣв'ит' (говорить вздор) ДР; калилѣснѣй, закалилѣсѣться А патѣм зькъл'ил'ѣс'ил'ис', къл'ил'ѣснѣи стъл'и вс'ѣ ДР.*

Произношение *апрѣль* в говоре соответствует церковнославянской традиции и дореволюционному написанию (о вторичном *ѣ* в *апрѣль* и варьировании с *апрѣль* см. (Аникин I, 247)); /ê/ в *калилѣсѣть* имеет соответствие в др.-р. написании *кирольсу* *Κύριε ἐλέησον* (Фасмер II, 427).

Фонема /ê/ в основе *йеврѣй*, зафиксированная в говоре Роговатого многократно (*йавр'ѣй*, мн. *йавр'ѣи*), фонетически не соответствует ц.-слав. *еврей*, старому рус. написанию *еврей*, укр. *єврей*. Не ясно, вошло ли это слово в говор через церковнославянскую традицию, через лит. рус. язык или усвоено в результате непосредственных контактов с евреями³. Возможно здесь и влияние имен собственных на -ѣй вроде *Андрѣй*.

2.3. Основы с неполногласием. В основах с неполногласием стабильно представлена фонема /e/, что соответствует норме церковнославянского языка русского извода, начиная с XII века. То же наблюдается во всех русских говорах с «семифонемным» вокализмом.

врѣднѣй *вр'ѣднѣй НИ;*

врѣмя *вр'ѣм'а, Д. врѣм'у, Т. врѣмем ДИ, АФ; Ну, тѣда уш вр'ѣм'е долѣгѣя прѣшла — ѣна н'икак н'и гул'аѣе и н'дѣваѣе мѣлъка ЕЖ;*

плѣн, плѣннѣй *плѣн, плѣннѣх ИФ;*

запрѣ(с)т ‘запрет’ *запр'ѣсту ЕС.*

³ В архаичном и среднем слое народной культуры Роговатого отмечается своеобразное осмысление слова *еврей*, непосредственно связанное с традицией устных рассказов-быличек на евангельские темы. В этих рассказах фигурируют *жиды* — враги Христа и первых христиан; неясно, отождествляются ли *жиды* из устных евангельских рассказов с современными евреями, с которыми жители Роговатого в свое время могли иметь контакты, и неясно, существенна ли вообще национальная принадлежность *жидов*, скорее они предстают в рассказах как воинствующие иноверцы времен Христа. Вместе с тем рассказчики не раз подчеркивали, что Христос и его Мать были *евреями*, принадлежали к тому же народу, что и современные евреи. Одна рассказчица быличек, НИ, связала страдания Христа со страданиями евреев в годы Второй мировой войны, подчеркнув, что евреи со времен Христа до наших дней продолжают быть гонимым народом-страдальцем.

3. Заимствования из идиш зафиксированы с ударным /e/:

пéсики ‘виски’⁴ *А йаму́* (утонувшему) *уш́ э́тъ п'эс'ик'и абй'эл'и рýбы* ЕН (ср. Фасмер III: 225);

хедер: *кричатъ на весь хедер* *Йа там выступáль, пьздръвл'áль, мójшь хтó знýй, кр'ич'áль на в'эс' х'эд'ьр* ДР; *Дь х'эд'ер ид'э-тъ у машин'е, рабóтьйе х'эд'ер* ДР; *Н'и туды́ кúр'ицъ пъшлá, а óн къзыр'к'óm* (матом) *нъ вэс' х'эд'ер* ДР.

Как можно видеть, информантка (1923 г. р.) считает, что (*кричатъ*) *на весь хедер* означает ‘во всю мощь, в полную громкость’, а *хедер* означает какую-то часть автомобиля (мотор?), которая при работе производит много шума. Между тем *хедер* в этом устойчивом выражении скорее может означать ‘комната, помещение’, чем ‘еврейская начальная школа’, ср. (Фасмер IV: 233).

4. Заимствования из русского литературного языка и городского просторечия. Эта группа слов не имеет четких границ. К ней относятся слова иноязычного происхождения и ряд славянских по происхождению слов, вошедших в говор через посредство литературного языка или городского просторечия. Круг последних очертить непросто, поэтому мы рассматриваем только такие слова, на заимствованный характер которых указывают отклонения от этимологически правильных рефлексов *е, *ь и *ě.

4.1. Заимствования из европейских языков. Заимствования этого рода в основном вошли в употребление в XX веке, а некоторые — в самое последнее время (*эвро, хвазэнда*, последнее из бразильских телесериалов, популярных в 1990-е гг.). Вместе с тем есть и более ранние заимствования, известные в говорах в XIX веке (в нашем списке — *газэ́та, конхвэ́та, хватэ́ра* (более позднее *квартэ́ра*), *лэ́ночка, тарéлка, интерéсно, клéить, матэ́рья, цéнь, шпéнт*, возможно, и некоторые другие).

У наших информантов наблюдается три типа огласовки иноязычных заимствований: 1) [э] (/e/), с предшествующим твердым согласным; 2) [е] (/e/), с предшествующим полумягким согласным («настроенным на [e]»); 3) [ие] (/ê/) с предшествующим полумягким согласным, палатализованным сильнее, чем перед [е] («настроенным на [и]»). Первый тип произношения относительно редок, два других встречаются примерно с одинаковой частотой, причем обнаруживают очень высокую степень «лексикализованности» (варьи-

⁴ В говоре Роговатого практически «обменялись значениями» слова *пéсики* ‘виски’ и *вискí* ‘(длинные распущенные) волосы’ (в том числе конская грива).

рование /e/ и /ê/ в одной основе встречается редко). Обе фонемы, /e/ и /ê/, встречаются как в относительно старых, так и в новых заимствованиях.

4.1.1. Произношение [э] после парного твердого согласного зафиксировано в новых заимствованиях *антэ́нна*, *котте́дж*, *купé*, *фаза́нда* (*хвъзэ́нда*), *штéкер*, в аббревиатуре *МТФ* (молочно-говарная ферма, *мэтэхвэ́*) и в суффиксе при основе-аббревиатуре: *газэ́ль* (автомобиль). В этих случаях произношение в говоре твердого согласного перед /e/ совпадает с лит. произношением. В двух словах у носителей говора наблюдается устаревшая или ненормативная твердость согласных перед [e]: *музéй* и *зоотéхник*. Название специальности и профессии *зоотéхник* с [тэ́] встречается во многих деревнях; по-видимому, такое произношение некоторое время назад было нормой в училищах, где обучались этой специальности. При этом слова *тэ́хника*, *тэ́хникум* те же информанты произносят с [т'э́] — передне-рядным *e* и полумягким *t* (см. 4.1.2).

антэ́нна *ънтэ́на* АФ;

газэ́ль *Ну ъ нас хат'эл'и нь љзэл'и нь какôй-тъ в'эс'т', с Н'урк'юу* ДР;

зоотéхник *Пръ зътэхн'икъ ньп'исат', как он зън'имай'циць у карôвѣх* ДР.

котте́дж, **котте(д)жик** *Йей ъста́в'ил у кътэ́джу, а сáм к мáт'ир'и уио́л* ДР;
кътэ́жык МК;

купé *купé* МК;

музéй *А шó ш этъ н'е пр'ишлá, кáк йей, из музéя-тъ?* АФ;

метефэ́ *карôвы калхóзныи вот, мэтэхвэ́, базы* НИ;

фаза́нда (шутл. — хата, старый крестьянский дом) *Хвъзэ́нды-тъ б'ыл'и?* НИ;

штéкер *штэк'ер* МР.

Твердые согласные перед [э] также произносятся в образованиях от иноязычных фамилий *Бандера*, *Метревели*:

бандэ́р (выходец из Западной Украины) *А у цéр'к'w'и у нас – б'ндэ́р* НИ;

Метреvéлины (семейное прозвище, от прозвища главы семьи, которое он получил как нападающий сельской футбольной команды в честь грузинского футболиста Славы Метревели) *у М'итр'эвэл'иных* ТН, *М'итр'эвэл'ины* ТН.

Ср. также твердый согласный перед заударной /e/: *ка́мыра* (фотокамера) ЕЖ.

4.1.2. Фонема /e/ в заимствованиях из европейских языков: сочетания [e] с «полумягкими» парными по твердости/мягкости согласны-

ми; сочетания с непарными по твердости/мягкости согласными — твердыми шипящими и *ц*; сочетание [je]; [e] в начале слога. Ниже приведены примеры 27 слов с контекстами в таком порядке: слова, в которых ударный [e] находится после губных *п, ф, м*; зубных *т, с*; сонорных *н, л, р*; непарных твердых *ц, ш, ж*; непарного мягкого *й*; в начале слога.

пéнзия, пéнсия И. пéнсия *Пр'ишióл* — «Мн'é п'áтъя, п'én'с'ийá, дáй!» АД; *п'én'с'ийá* НИ; *Съб'ирéмс'е вóт бáнки ў мъяз'ин, ўвар'им, бáбы, спас'ибъ п'én'с'ийъ, с къяó тр'éбвэ́т'?* МП; В. пéнзия⁵ *Щáз вóт ўл'áн': п'én'з'ийъ дъя́йут'* ИФ; *ўсудáрствъ кóрм'е, п'én'з'ийъ дъя́йе* ЕФ; пéнсия *П'én'с'ийа н'е дáл'и ишиó* АД; *Пълуч'áль тр'и́цэт' тр'и рубл'á п'én'с'ийá, н'é зъ ш'а* АД; *А ты пълуч'áши п'én'с'ийе?* АД; *Нáм т'ипер' п'én'с'ийъ н'ъ дъя́в'ут'* АФ; *А суды вóт — шыйс'áт уа-дóу сыну, нъ п'én'с'ийъ п'ир'ешióл, он туть рад'илс'и* АД; *Луд'áм дáл'и нърмáл'нъйу п'én'с'ийъ, а д'еду н'é* МА; *Къядá нъ п'én'с'ийъ п'ир'хад'илъ, п'ир'ав'ól м'ин'é бр'уад'ир с св'аклы нъ т'ил'áт з'иму работът'* ЕФ; *П'én'с'ийъ н'ъ пълуч'áль йа* ДР; *Стáригыъ с'естрá пълуч'áль п'én'с'ийъ; йа н'ъ пълуч'áль эту п'én'с'ийъ* ДР; *Ну щáс п'энс'ийъ пъръвн'áл'и* МП; *Вот р'áдъм бáнкъ с'ид'ит', ънá н'е работълъ н'и ъднъó дн'á, а пълучáим п'энс'ийъ ўм'эс'т'е* МА; *И ад'ин рас тóкъ п'én'с'ийе пълуч'ил* МК; *Щáс хóт' плóт'ут'-тъ, п'ен'с'ийъ б'édнъм* НИ; пéнсию *Пълуч'áйе п'én'с'ийу — йей ъддъя́йе* ДР; *Вáн'к'е, шо т'ип'эр' нъ п'én'с'ийу п'ир'ешióл, туть рад'илс'и* АД; *Скóкъ ш ты п'én'с'ийу пълуч'áши* НИ; *А рáние-то п'én'с'ийу н'е дъя́л'и, ус'ó сáми свáй, и пъякупáт' бълъ н'é зъ шта* НИ; *Бáнкъ Мархун'а-тъ у нáс дъяжывáла, йей въсьмáцэт' рубл'ей дъя́л'и п'én'с'ийу мъя́шы* НИ; *И йаму́ дáл'и м'ин'имáл'нъйу п'én'с'ийу* МА; *п'én'с'ийу н'ъ пълуч'áйе* ДР; *уш нъ п'én'с'ийу пълч'áл'и* ДР; *Нъ п'én'с'ийу йа п'ир'ешлá* ДР; *П'энс'ийу пълч'áйе — съя́ ръсхóдъ-въя́е* ДР; *Вот нъч'áл'и п'ер'хад'ит' нъ п'энс'ийу, ъ ан'и ўвъя́т': у вас н'ету* МА; *А уш щáс т'ип'ере нáм, и н'а хóтцъ н'ич'юó, п'энс'ийу пълч'áим вс'ó, хóт' жáл'имс'е мы мáла, а л'уд'и ѡшиó йест' м'én'иш'!* НИ; *А туть йá рáн'иш' уадóв, п'иш'с'áт тр'и́ уодá мн'é, а йá уж нъ п'энс'ийу с'éла, дáл'и ш м'ин'имáл'нъйу срáзу* НИ; Р. пéнзии *Вóт мáль п'энз'иш. Ну, а ѡнá буъл тáх-тъ, вóт пр'ид'е, ўл'áну, ѡнá ид'е, и с'ид'ит': «Вот п'энз'иш мáль»* ИФ; Д. пéнсии *к п'én'с'иш* АД; М. пéнсии *Дъ вóт мъя́дóй он ишио, а нá п'энс'иш он* НИ; *Мъя́шá, ишиó йей п'ид'ис'áт и п'ат'и нé бълá, н'е нá п'энс'иш-тъ ишиó тáм н'е éтá, нъм'ир'áл'и, сóрък сóтък йей нá-м'эр'ил'и, — а ѡнá уа вс'óm у ч'óрнъм хад'ила* НИ; В. мн. пéнсии *Л'уд'и йэс'*

⁵ В говоре у слов на *-ия*, гораздо реже — у основ другого типа фиксируется безударное окончание В. ед. /а/ ([гъ]), видимо, первоначально фонетического происхождения (делабиализация безударного у), наряду с [у]. Делабиализации, однако, нет в других морфологических позициях (второй слог окончания В. ед. ж. прилагательных, Т. ед. ж. прилагательных, существительных, местоимений: *краснъйу, мнôйу* и т. п.).

с'ид'ел'и, н'е рабѡтъл'и, и щас вѡт п'енс'ии пълуч'ил'и МАМ; И., Р., Д. *а йа уи – п'ен'з'ийъ, к п'ен'з'ии ишиѡ, ѡт пѣжыла дѣ п'ен'з'ийъ, йа уи дѣжыла дѣ п'ен'з'ии* ЕН; В.? *Тадѣ нѣч'алс'и калхѡс, нѣч'елѡс'е етѡ, нѣч'ал'и к п'ен'з'ийу етѣ, пѣд'д'в'и-рѡт', а у н'еѡ ѡдѣ н'е хвѣтѡйе* ЕС;

шпѣнт: *дойти до шпенту* 'исхударь' (ср. Фасмер IV: 472; впервые в словаре В. И. Даля: 'шиш, желвь, пустышка, ничего', *промотался до шпенту* (Даль IV: 643); *Вод дѣшла дѣ шп'енту — йѣс'т' н'ѣ хач'у* АД, *дѣ шп'енту* АД;

инспѣктор *Мы ад'ин рас пр'ишл'и с эт'им с ынсп'ѣктърѣм. Вот с ынсп'ѣктърѣм, уѡвѡр'ивайт'е, штѡп налѡх зѣплат'ил'и* ДР;

фѣрма *Йѣгѡ с'н'ал'и с этѣй ф'ѣрм'е* ДР;

документы (паспорт, вид на жительство) *Тадѣ, н'ѣкуды л'уд'ам д'евѡицѣ, б'ез дѣкум'ѣнтѣ — ан'и у л'ѣс, у вѡт етѣт л'ѣс, л'ѣс тѣд быѣ ѡрѣмѡднѡй; А бѡндѣ свѣйѡ былѡ, д'ѣицѣ н'ѣкуды, дѣкум'ѣнтѣ н'ѣту; Нѡшы л'уд'и, харѡшѡи л'уд'и — дѣкум'ѣнты н'е дѡл'и; Дѣкум'ѣнтѣ н'ѣ бѣлѣ н'и ѣ кѣѡ, н'е дѡл'и, н'е дѡл'и дѣкум'ѣнты!; Ус'ѣ пасмыл'ис'е ус'ѣ, аицѣл' ушл'и, дѣкум'ѣнтѣ н'е дѡл'и мужыкѡм; у кѣѡ дѣкум'ѣнтѣ н'ѣту — у л'ѣс'е был'и, вѡт таб'и; Патѡм кѣкѡй-тѣ дадѣмѣлс'и п'и-сѡд' дѣкум'ѣнты; Ну вѡт тадѣ ѡнѡ р'еб'ѡтѣм дѣкум'ѣнты; Дѣкум'ѣнты н'е дѡл'и н'икамѣ, выѣехѣт' из ѡвѣрѡ н'ѣ ш'и'им, пѣн'ѡл? ЕС; Йѡ тош хат'ѣлѣ, ѡт свѣйѣѡ мужѣ дрѡпнут', а дѣкум'ѣнтѣ н'ѣ бѣлѣ, йа и ѡстѡлѣс'е НИ; з дѣкум'ѣнтѣм'и НИ;*

мѣдик *м'ѣд'ик* МК;

матерье, матерьнице 'сукно' *Крѡс'или мат'ѣр'ѣе* ДИ; *Ну и тѡм мѣт'ѣр'ѣицѣ зѣрабѡтѡиш* ИФ;

тѣма *т'ѣма* АФ;

тѣхникум, тѣхника *Сѣн т'ѣх'н'икум и ин'с'т'итѣт кѡнч'ил, ну а дѡч' н'ѣ, дѡч' рабѡтѣлѣ у мѣѡаз'ин'е* МАМ, *а йа рабѡтѣлѣ нѣ т'ѣхн'ик'и* ДР, *Т'ѣх'ника ѣта рабѡтѣйѡ, б'ез нѡс, и бурѡк'и щас и пѡл'ут', и сѣжѡйут' и, и уб'ирѡйут', и л'уд'и н'е нужнѣ* НИ, *Ус'ѡ, т'ѣх'ника т'ип'ѣр'* НИ; *т'ѣхн'ика* МК;

сѣс(с)ия *пѣдѡатѡв'ил'ис' к с'ѣс'ии* ДР, *пр'ѣс'едѡт'ѣл' с'ѣс'ии* ДР, *абсѡждѡл'и нѣ с'ѣс'ии* ДР, *с'ѣс'ийу ѡл'ад'ѣт'; в'адѣт' с'ѣс'ийу* ДР;

нѣрвы *Он бѣд'е йѣз'д'ит', м'ин'ѣ дразн'ит', н'ѣрвы мн'ѣ пѡрт'ит'* ДР; *н'ѣрв; ѣтѣ у н'ѣѡ как'ийе н'ѣрвы, у ѣнтѣѣ П'ѣт'к'и?* АФ;

нѣфтѣ *Пѣѡад'и, дѣвѡй прѡ н'ѣфт' пѣбѣлѡкѣим. Цѣнѡ нѡ н'ѣфт' спѡла. Знѣч'ит н'ѣфт' спѡла, т'ѣп'ѣр' хтѡ бѣд'е в убѣткѣ?* АФ;

клѣить *Анѡ там ус'ѡ хѣрашѡ, йѣй тѡл'к'е хундѡм'ѣнт н'амнѡишѣ вѡт аб-д'ѣлѣт' и акл'ѣит'. ДР; вѡт ѣт вѡт ѡнѡ прѡвѡда нач'елѡ щас пѣмѡѡт', и дѡм ѣп-кл'ѣиѡ ис с'ир'ѡт'к'и з д'ѣвѡкѣм'и же с унѣч'к'ѣм'и* НИ;

(э)пилѣпсия *п'ил'ѣпс'ийѡ* ЕЖ;

интересно, интересный йаму ин'т'ир'эснъ, сын и дбч' уч'уциъ атл'ичнъ АД; Дък ъна ш ентъ прѡшлгъйй былá ин'т'ир'эснъйй жыз'н'а АД; Тамъ былъ инт'ерэснъ йаму ЕН; Этъ ш инт'ерэснъ ЕН; Им инт'ир'эсна бѹд'е ТН; мáт' вотъ съула-с'ылъс', инт'ир'эсна! НИ; И вѡ тѣк ус'ѡ йей инт'ир'эснъ АФ, Мн'ѣ тѡжъ инт'ир'эснъ ДР, Этъ ж инт'ир'эснъ: йá йеуб ишишъ и ѱвар'ѹ: ид'ѣ ты прѡвал'йл-с'и? ДР, Ой, тáм запл'ит'ѡнъ инт'ир'эснъ кáк-тѣ нъ бак'ѹ, бъл'иáйъ късá ДР; Им инт'ир'эснъ н'е тáк какъ мы жыл'и какъ мы был'и, а йм инт'ир'эснъ какъ рѣзѹвá-р'ивъйут' л'ѹд'и АФ; Ну, йá штѡ-н'ибѹт' инт'ир'эснъйй, штѡн ан'и с'м'ийáл'ис'е, скажѹ ДР; Таб'ѣ ш н'е интер'эснъ етѣ ч'итáт'? АФ; Мѡжъ инт'ир'эснъ ДР;

прѣмня В. Мн'ѣ и пр'эм'ийъ дѡвáл'и, и пѣч'ѡтнъйй хвѣт'ѹрáх'ийй в'ис'ит' уу уулу у тѡй хáт'е ДР;

процент Ой, мý вамъ с'эм' прѣцентъв! Дѣ щѡ ш ты с'эм' прѣцентъв бл'ат' нѡбáв'ил, а, ѱн'áт' ѹс пѡдѣрѣжáл! ММ;

цемент цем'ент ЕЖ;

цент(н)ер цен'т'ер ПФ;

центра (центральная часть села), **центр** Вот у нáс ш'асъ цѣнтръ, цѣнтръ былá. Вотъ ъна и сыч'áс у нáс цѣнтрá. Вотъ нъ цѣнтръ тамъ съб'ирáйут' ѣтъ, ус'ѹ, л'ѹд'ей, ѣт'их л'ѹд'ей, ѹармѡшкá там, л'ѹд'ей ѣт'их стрáс'т' там ЕС; «Дѣ нъ цѣнтрѹ мн'ѣ нáдѣ». Йá ѹр'ѹ: «А зач'эмъ ты нъ цѣнтрѹ?» АД; Нáс къдá съйид'ин'и-л'и ф п'ис'áт ч'ит'в'ортъм ѹадѹ, съйид'ин'ил'и — былъ тр'и с'ил'сáв'ѣтъ: Пр'иѡб-рѣжэнскъй, п'ѣрвъй, там у нáз былъ фтѣрѡй, а тѹдъ былъ п'ѣрвъй нъ цѣнтр'е ДИ; И вонъ тáм на цѣнтр'е табл'ич'к'á — б'ѣз в'ист'и прѣпáфишъй МAM; центр МР;

цепь цѣп' ДР, НИ;

траншея И.мн. тръншиѣи ЕЖ;

(Жѣнъка Жен'к'а МК;)

диѣта д'ийѣта; йá ш йе руѹáла: што ты нъ ѣт'их нъ д'ийѣтѣх с'ид'иш! ПФ;

ѣвро И. мн. йѣвры ММ;

клиент кл'иѣнт АД;

поэт тѣдá хтѡ, тѣдá н'ѣ была ѣтих, пѣтѣф-тѣ съч'ин'áт', а ѹс'ѡ сáм'и, ѹс'ѣ п'ѣсн'и, ѹс'ѣ нáшы НИ.

4.1.3. Фонема /ê/ в заимствованиях из европейских языков: сочетания [ие] с «полумягкими» парными по твердости/мягкости согласными; сочетания «полумягкими» задненебными согласными, непарными по твердости/мягкости. Ниже приведены 29 основ с примерами их употребления в таком порядке: слова, в которых ударный [ие] находится после губных *п, ф, м*; зубных *т, с, з*, сонорных *н, л, р*, задненебного палатализован-

хвaт'эры пъръстѣнѣв'ил'и и уйѣхъл'и, а мы ъстáл'ис'е АД; Дѣ мý у с'ал'ѣ нѣ хвaт'эре стýйáл'и, йá, мýйá мáмъ, н'ав'ѣскъ, ѣтъ ус'ѣ пáм'эр'л'и ЕС; новые значения: Ну свѣйá хвaт'эра, ну свѣйá ус'б, зърáбóтъл'и закóннъ ММ; Былá хвaт'эрá калхóзнýйá ЕС; И вон хвaт'эру дáл'и, мýлá п тудýи уйт'ит', и мóж бы кáк-н'и-бóт' там, там ѣт'и вот унóч'к'и, ан'и п хад'ил'и пъмýáл'и, и хтó знаит ДР; Ну а т'ип'эр' ѣна уѣвар'ит', мы ѣту хвaт'эру прѣдвáт' н'а бóд'им ДР; Сп'эрвѣ н'и дѣвáйит' хвaт'эры, уасудáрств'енýй АД; Д'ѣнушк'и, хтó жэлáйе, ѣстѣвáйт'ис'а, мýи вáм квaрт'эры, пѣ двá, пa тр'и ч'илзкá, квaрт'эры ЕН;

Карусель кърус'эл' МР (народное название одного из районов Старого Оскола);

кас(с)ѣта У м'ин'ѣ кас'ѣта — двá събрáн'ийá нáшы 2× ТН; кас'ѣту пъслáт' у «Иурáй уармóн'» 3× ТН;

газѣта мнóгý уáз'ѣт ч'итáйу ДР, у уáз'ѣт'е п'исáл'и АФ; у уáз'ѣт'е НИ; уáз'ѣта МР;

розѣтка раз'ѣтка МР;

кабинѣт къб'ин'ѣт МР;

милиционѣр Бýлъ с'эл'ицкýй был, м'ъл'ицыан'эры, нашл'и, пъзѣбрáл'и ѣтът (спирт) АД; А вот ѣтъ ад'ин сын нап'илс'и Н'ус'ин — и м'ил'цыан'эры-тъ иѣ-дóт', иу двá штóк'и МР;

пенсионѣр, пенсионѣр п'ин'с'иан'ѣр МК, МР; п'ѣнс'иѣн'эры АФ;

фанѣра хванѣра А доши нѣ н'еуó нѣбóт'ил, ѣтч'ър'апóшылъс' св'эрху тóнкýй хван'эрѣ, стал плѣхóй стóл ДР;

белѣт (билет) Ч'и тр'и рубл'á плат'ил'и зѣ б'ал'ѣт МК; Зѣтъмáшыл'ис'е б'ал'ѣты пъкáзыѣт' АД;

лѣночка (ленточка; узкая полоска содранной липовой коры) л'ѣнч'к'и во ДР; Мы ѣтъ къдá — в'аснóйу уи, штóбы ѣнá ишо былá в саку, и патóм кат'илкѣм'и вот тák смáтывал'и ѣту л'ѣнч'к'у какóйу ѣбд'ир'ѣ, и пр'инас'ил'и дамóй, и патóм ан'и трóх'и пѣтсыхáл'и, а патóм из н'их цѣнѣвáл'и нѣзывáйѣцѣ ДР; (возможно, контаминация заимствованного и исконного слов, см. Фасмер II, лeнтa и лóт);

комплѣкт И б'арóт' ѣт'и двá клóпкá, и у д'в'ѣ н'ит'к'и, зѣцáпл'ивѣйут' зѣ ѣтът зѣ кл'оп, и тѣхтáвó снóйут', и снóйут', и снóйут', ну кампл'ѣкт скóкѣ-та нѣснóвыѣйут' ДР;

котлѣта Катл'ѣтѣф — тады их н'ѣ былъ, а т'ип'эр' тó катл'ѣты, то как'и-тъ уáлóпцы-тъ, ус'б на св'ѣт'е д'ѣлѣйут' ДР; катл'ѣты МП;

таблѣтка табл'ѣтка МК;

туалѣт, туалѣт *ф* *свѣой туал'ѣт* ДР, *У м'ин'ѣ шио вон ѣтът куп'ил'и мн'ѣ ѣтът къкѣй-та вот туал'ѣт, мѣжъ вы в'идал'и, зъкрываициъ* ДР; *Мáмы зд'ѣлълъ тут туъл'ѣт* АФ;

юбилѣй *йуб'ил'ѣй* АФ.

по(р)трѣт *патр'ѣт* ЕЖ;

тарѣлка *Тáм вот вы зъл'án'т'е, ѣтвар'ит'е дв'ѣр'и, там скѣкъ пасуды стъл'йáлъ тъл'тáво, тар'ѣлк'и как'и-тъ, ч'áшк'и, как'и-т б'итѣны, и пѣлнъ тáм, ув'азл'и йей, ѣтъ пъл'нхáтá рáзнъйá* ДР, *натур'иши пѣлну тар'ѣлку, с тар'ѣлк'и л'йѣциъ* ДР, *нълбур'ит' ѣту пѣлну тар'ѣлку* ДР; *Йá как кѣшкъл там ул'илá саб'ѣ тар'ѣлку, сјѣла* МК;

тубарѣтка *са мнѣй ум'ѣс'т'е пълстар'ѣла, и тубар'ѣтк'и, и йá, и йс'ѣ пълстар'ѣлъл* АД;

букѣт *бук'ѣт уч'ѣрá нървлá ужълшнълй* ДР; *из вот ѣт'их вот см'ийáл'ис'е из бук'ѣтъw* (над букетами) ДР;

пакѣт, пакѣтик *ѣт пак'ѣта, у пак'ѣт'е* НИ, *нъл кáждъл пак'ѣт'ику* ДР;

хокѣй *Кълк вот у хак'ѣй ш'ас иурáйут', а тълдá у суч'к'и* ДР, *Иурá у ѣтым, у хакѣй иурáйут', иурá жъл* ДР.

4.2. Слова славянского происхождения, заимствованные в говор из литературного языка. На заимствованный характер следующих слов указывает несоответствие /e/ и /ѣ/ этимологии корней.

извѣстие *Нъл Маскълу пълсылáл'и, скълзál'и, б'ълз ыз'в'ѣс'т'иша* (о без вести пропавшем во время войны) АД;

свидѣтельство *У нáс пълспъртѣу н'ѣ былъл, тѣкá с'в'ид'ѣт'ил'ствъл ѣ рълж-д'ѣн'иш былá* НИ;

обеспѣчивать *и ста'ит' вон — пр'áхъл у м'ен'ѣ вон у ч'улáне, и вот йá йс'ѣх áб'есп'ѣч'ивълйу* АД;

полѣзный *О, ч'ър'в'ак'и ентъл йѣс'т', вот у нáс нълпр'им'ѣр дължжавълйе ч'ър'в'ак'и, ан'и пал'ѣзнъл, дл'и уáрѣду, рыхл'áт' уáрѣт* НИ;

смятѣние или **сметѣние** (ср. в говоре Роговатого: *нас с'м'ал'и с л'ицá з'амл'и* — о периоде коллективизации; в следующем примере — предупреждение солдата отступающей Красной Армии о возможных боевых действиях и разрушениях): *А мáт' вълшъл, а ѣн сълдáт уълвар'ит': штѣ ж вы дѣлълит'а, вы п саб'ѣ хѣд' бы как'ий-н'ит' йáмк'и-тъ уáтѣв'ил' бы, шáж жъл б'уд'е къкáйл см'ат'ѣн'ишá!* ИФ;

с(т)рѣдство (контаминация с *стрѣтитъл*?) *Тълдá рáн'ше нарѣднълм'и стр'ѣцт'вълм'и л'ач'ил'ис', трáвълм'и фс'ѣ* НИ; на заимствование из лит. языка, а не на старый церковнославянизм в данном случае указывает /ѣ/ вместо обычной для полногласных сочетаний /е/, см. 2.1.

На материале, приведенном в разделах 4.1 и 4.2, можно установить фонетические условия выбора между /e/ и /ê/ при заимствовании в говор слов из лит. языка и близких ему источников. При заимствовании слов, в которых в лит. языке или другом источнике заимствования перед *e* произносится твердый согласный, парный или непарный по твердости/мягкости, или *e* (э) находится в начале слога, субститутом *e* (э) в говоре всегда является фонема /e/ (*штéкер, процéнт, транше́я, Метрeвeлины, бандeр, поэт* и под., см. 4.1.1, 4.1.2); то же наблюдается, если *e* в языке-источнике находится после *j* (*éвро, диeта, клиент*, см. 4.1.2.). Напротив, если в языке-источнике (чаще это лит. язык) перед *e* находится мягкий задненебный, то в говоре всегда выступает /ê/ (*хокке́й, пакeт* и под., см. 4.1.3). Рус. лит. ударному *e* после мягких губных и зубных в составе заимствованных слов в говоре Роговатого может соответствовать как /e/ (*инспeктор, пeнзия/пeнсия, шпeнт, фeрма, докумeнт, мeдик, матeрья, тeма, тeхника, тeхникум, сeссия, интереснo, прeмия, эпилeпсия, клeить, нeрвы, нeфтe*), так и /ê/ (*лисапeт, конфeта, мeтр, мeтрики, аптeка, библиотeка, фатeра, карусeль, кассeта, газeта, розeтка, белeт, комплeкт, котлeта, таблeтка, лeночка, туалeт, милиционeр, пенсионeр, портрeт, тарeлка, тубарeтка*); предшествующий согласный в говоре «полумягкий». Огласовка /ê/, как можно видеть по перечням примеров, встречается после парных по твердости/мягкости согласных всё же в несколько большем числе слов, чем /e/.

Те же закономерности выбора между /e/ или /ê/, по-видимому, характерны для слов славянского происхождения, вошедших в употребление носителей говора из лит. языка, см. 4.2.

4.3. Фонема /e/ в именах собственных — фамилиях государственных деятелей и названиях отдаленных населенных пунктов:

Бре́жнев пр'и Бр'е́жн'ьву ДР; Бр'е́жн'ев АФ;

Ельцын пр'и Йéл'цыну ДР;

Лéнин, Лéнин-Стáлин Дáжэ Лeн'ин н'а мoх м'ин'áт' пoч'ч'eрк. Лeн'ин дaжы пoч'ч'eрк н'а мoх м'eн'áт', а ты́ eт кькáйъ урáмътнъйъ, — нъ мeнe ЕН; А плат'ил'и кáг бы, у нáс тaды́ Л'eн'ин и Стáл'ин, ан'и́ нам плат'ил'и мáлa АД; Тaды́ бьлъ ува ўс'eх (хаты, крытые соломой), eт вoт уш кал'и́ Л'eн'ин-Стáл'ин уш ушoл с пьстá и был eтът, шьх'в'eр АД; пр'и Л'eн'ину пр'и Стáл'ину л'уд'eй съжáл'и ДР;

Лéнингpáд уoл'eн'к'иш, а н'и ад'eццъ н'и абyццъ н'eту, а пъ eтъ, дáл'oкъ-тъ в'eрб'вáл'и — у Лeн'инyрáт, щáс-тъ йeуo н'e Лeн'инyрáт завyт', щáс-т йeуo eтъ,

как-тъ иеуо ИФ; Ну, а йа дваццѣт' шаитѡуѣ, скѡкъ мн'ѣ бѣлъ, йа н'е знѣйу, м'ил'н'к'ѣе мѣйа, скѡкъ мн'ѣ бѣлъ, йа пайѣхѣлъ у Л'ѣн'инурѣт АД; у Л'ѣн'инурѣд'е АД; Йѣмы ѣт'и пакѣпѣим — тѣм вѣдѣ, там бл'искъ вѣдѣ, у Л'ѣн'инурѣд'е АД; Лѣнынград⁶ Вѡт йа с тр'ѣцѣт' н'ѣрвѣуѣ, мѣ с н'ѣйу вм'ѣст'е нѣ тархѣ был'и, у Л'ѣн'инурѣд'е ЕН; Этѣ дв'ѣ у ѣтѣм, у Стѣрѣм Ъскал'ѣ жывѣт', а ѣднѣ л'иш ув ѣтѣм, у Лѣн'инурѣд'е ИФ;

Тѣрек Ържѣн'ик'ѣд'з'ѣцк'ѣй крѣй, стѣнцѣйѣ Т'ѣр'ек ЕН;

Тюмѣн Т'ум'ѣн' МК.

5. Некоторые свидетельства подражания литературному произношению при заимствовании слов в говор Роговатого; влияние «школьного» произношения.

Ниже рассматриваются две группы примеров, в которых в говоре Роговатого отражается влияние литературного произношения. Оба представляют собой незакономерное с точки зрения правила архаического диссимилятивного яканья появление гласного [и] в соответствии с /e/ в 1-м предударном слоге. Само выделение этих примеров возможно потому, что правило диссимилятивного аканья/яканья архаического, близкого к задонскому типа действует в говоре практически без исключений.

5.1. «Тиливизеры и тилихвѡны»: отражение литературного яканья в заимствованных словах.

Некоторые слова иноязычного происхождения с предударным e усвоены из литературного языка со свойственным ему предударным иканьем; иначе говоря, эти слова восприняты носителями говора как содержащие фонему /и/ в первом предударном слоге. Это выражается в том, что в позиции перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъѣма в этих словах произносится [и], как в словоформах з'имѡй, з'имѣ и т. п., а не [а], как в словоформах в'аснѡй, в'аснѣ и т. п. Наряду с примерами, отражающими литературное иканье, встречаются варианты тех же слов с предударной /e/, реализованной в указанной позиции как [а]:

апилисьны ѣп'ил'с'ѣны ПФ;

персидский / **персидский** персидский А тѡдѣ таб'ѣ н'ирс'ѣцк'ѣм'и дарѡуу пр'ис'т'ал'у АД; А ѡн скѣзѣл: «Умр'ѣш, дѣ клѡдб'ишишѣ н'ирс'ѣцк'ѣх пѣшл'у таб'ѣ, пѣст'ал'у АД; уѣвар'ѣл с'ѣл'ѣцк'ѣй: таб'ѣ н'ирс'ѣцк'ѣм'и пр'ис'т'ал'у дѣ сѣмѣй

⁶ Фрагмент *Ленын-*, по-видимому, осмысляется как притяжательное прилагательное, суффикс которого *-ин* в говоре Роговатого не смягчает основу, ср. *мѣмын*, *ан'ѣтыны глѣск'и*.

опирация *ɔp'iráɥɥia* АД;

титрадка *t'itrátka* АД.

В значительной части заимствованных слов такой же структуры произносится закономерный [e]: *v'it'erán* МК; *l'et'erán truda* 2× АД; *m'etal* ПФ; *m'm'entál'ny* АФ; *p'emónt* ПФ.

5.2. Читы́ре: влияние «школьного произношения». В числительном *четыре* (и *четыреста*) в И. п. в части примеров зафиксирован предударный [a], ожидаемый на месте *e по правилу диссимилятивного яканья, однако в другой их части произносится [и]:

(1) *ч'аты́р'е* АД 5×, ЕС 6×, НИ 4×, МП, ДР 3×;

(2) *ч'иты́р'е* НИ 10×, *ч'иты́ристь* НИ 2×, ММ, ЕН 3×, АФ 2×.

Учитывая жесткость распределения [a] и [и] по правилу яканья в говоре, едва ли примеры с [и] можно объяснять влиянием произношения в позиции перед ударными гласными *a, o, e*: *ч'итв'эрх* ДР, собирает. *ч'итв'óra* АД 4×, ДР; *ч'итв'óртый* МП 2×, *ч'итв'óртыйу* АФ; *ф n'ис'át ч'итв'óртъм γаду* ДР.

Самые старшие информанты 1919–1926 г. р. (ЕС и АД, не учившиеся в школе, МП, закончившая 2 кл., и одна из самых образованных ДР) употребляют только «старую» и вместе с тем «правильную» в рамках фонетической системы говора форму *ч'аты́р'е*. «Новая» форма *ч'иты́ре* встретилась у не учившейся в школе ЕН 1931 г. р., ММ 1936 г. р. и самой молодой АФ 1948 г. р.; варьирование с количественным преобладанием *ч'иты́ре* зафиксировано у НИ 1937 г. р. По-видимому, здесь отражается влияние «школьного произношения», начавшееся не ранее середины 1930-х гг. (ДИ, АД и МП ко времени появления нового произношения уже научились считать). Произношение *читы́ре* могло усваиваться при обучении счету (независимо от того, учился человек в школе или нет), а затем эта фонетическая форма получила распространение среди молодежи села.

6. Выводы. Представленные в работе заимствования в говор села Роговатого, имеющий архаичный «семифонемный» ударный вокализм, из церковнославянского языка, из русского литературного языка и городского просторечия, из идиш различны по времени вхождения в говор и обнаруживают разные принципы выбора ударных фонем /e/ и /ê/ в соответствии с e (э) в языке-источнике. В церковнославянизмах /e/ и /ê/ распределены в соответствии с традицией, истоки которой могут восходить к древнерусскому времени. В личных христианских именах, которые имеют в говоре в специфически диалектные формы, и их производных это распределение, по-видимому,

соответствует распределению /e/ и /i/ в украинском языке. В словах с неполногласием выступает /e/, см. разд. 2. Заимствования из идиш зафиксированы только с /e/, см. разд. 3; пути их проникновения в говор требуют дополнительного изучения (в результате контакта с носителями идиш или через посредство восточнославянских диалектов).

Большая часть нашего материала — слова, вошедшие в говор из русского литературного языка, профессиональных языков, городского просторечия. Последний из названных источников предполагается для старейших заимствований в говор из европейских и некоторых других языков. В XX веке заимствование происходит из литературного языка, в том числе его официальной разновидности, и из профессиональных разновидностей русского языка.

Среди заимствований из русского языка или через его посредство, как более старых, так и более новых, слова с ударными /e/ и /ê/ встречаются примерно с одинаковой частотой, причем варьирование /e/ и /ê/ в одной основе — случай достаточно редкий. Фонетические условия выбора между /e/ и /ê/ сводятся к тому, что всякий *e* литературного языка, перед которым находится твердый согласный и *j*, а также *e* в начале слога субституируются в говоре Роговатого фонемой /e/, а всякий *e* после задненебных — фонемой /ê/, см. раздел 4. В соответствии литературному *e* после парных мягких губных и зубных согласных в говоре Роговатого могут произноситься /e/ и /ê/, причем последняя встречается в большем количестве слов. Такие же принципы выбора /e/ и /ê/, по-видимому, характерны и для слов славянского происхождения, вошедших в говор из литературного языка, см. 4.3.

Отдельную группу представляют собой собственные имена, с которыми носители говора познакомились в XX веке: фамилии государственных деятелей, названия стран и отдаленных населенных пунктов (*Амэрика*, наряду с *Амэрика*, *Брэжнев*, *Ельцын*, *Лéнин*, *Лéнинград*, *Тюмэнь*, *Тéрек*, см. 4.2), которые произносятся с /e/. Первоначально при выборе огласовки /e/ в таких словах мог сказываться фактор новизны или неосвоенности слова. Возможно, фактором новизны обусловлена фонема /e/ в имени *Глеб*, см. 2.1.

Фактор новизны слова и обозначаемой им реалии в XIX–XXI вв., по-видимому, влиял на выбор /e/ носителями «семифонемных» говоров при огласовке слов, заимствованных из литературного языка. С определенного времени на выбор огласовки /e/ мог влиять и «культурный» фактор, а именно связанные между собой представления о том, что ударному *e* в литературном произношении соответствует диалектная фонема /e/, а не /ê/; и что именно фонема /e/ соответствует букве «е» и является ее правильным чтением, в то время как фонема /ê/ передается буквой «е» на письме лишь в силу необ-

ходимости, поскольку специальной буквы для ее передачи нет в азбуке. Следствием таких представлений является то, что некоторые люди младшего поколения, получившие образование, осознанно выбирают огласовку /e/ заимствованных слов, если хотят говорить более «литературно»; это наблюдается в речи АФ, которой принадлежат практически все примеры произнесения /e/ в тех заимствованных словах, в которых остальные информанты произносят /ê/, см. 4.1.2.

Напротив, выбор фонемы /ê/ для огласовки ударного слога заимствованных слов обусловлен фонетической близостью ее репрезентантов в говоре Роговатого и дифтонгоида [ʰe] — основного аллофона фонемы /e/ литературного языка. Имеется немало примеров, показывающих, что новые слова заимствовались в говор Роговатого в фонетическом облике, свойственном литературному языку. Примеры влияния литературного иканья на произношение и фонемный состав заимствованных слов в говоре Роговатого рассмотрены в разделе 5.1, влияние литературного иканья на фонетическую форму числительного *четыре* — в разделе 5.2.

Список информантов

- ЕС — Евдокия Кузьминична Серикова, 1919–2012, неграмотная, работала в колхозе.
 ДР — Дарья Ильинична Рожкова, 1923–2015, 10 кл., работала секретарем сельсовета и библиотекарем.
 АД — Анастасия Андриановна Дементьева, 1926–2013, в школе не училась, грамотная, работала в колхозе; в начале войны была «на окопах» в Воронежской обл., после войны работала на торфоразработках в Ленинградской обл.
 МП — Мария Ивановна Плутахина (Гузеева), 1926, 2 кл., работала в колхозе, после войны была бригадиром.
 МК — Мария Сергеевна Колесникова (Козлиха), 1929, 3 кл.
 МР — Мария Родионовна Кудрина (Двоюшиха), 1930, неграмотная, работала в колхозе.
 ИФ — Ирина Ивановна Фомина (Арина Монахова), 1931–2016, 1 кл., работала в колхозе, из Роговатого не выезжала.
 ЕН — Елена Андреевна Нечаева (Алёна Немых, Капралова), 1931, неграмотная; в детстве жила в Сибири, в молодости работала на торфоразработках в Ленинградской обл., на кирпичном заводе в Москве; вернувшись в Роговатое, работала в колхозе.
 МА — Мария Алексеевна Макарова, 1932, 7 кл., работала в колхозе, из Роговатого не уезжала.
 ЕЖ — Екатерина Андреевна Жильникова (Деркачиха), 1935–2017, 5 кл., работала в колхозе; в молодости работала на строительстве здания МГУ.

- ЕФ — Екатерина Никитична Фомина (Гулюнчикова), 1935, 5 кл., работала в колхозе.
 ММ — Мария (Мирониха по свёкру), 1936, работала в колхозе.
 НИ — Нина Дмитриевна Исакова, 1937–2016; 7 кл., работала в колхозе; певица и поэт, руководитель фольклорного ансамбля с. Роговатое.
 ПФ — Прасковья Ивановна Фомина, 1940.
 АФ — Анна Ивановна Фомина (Метревелина), 1948, среднее специальное образование, библиотекарь.
 ТН — Татьяна Васильевна Нечаева, 1949, высшее образование, выйдя на пенсию, живет в с. Роговатое.

Литература

- Аникин — Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1–11. М., 2007–2017–.
 Бондарко 1977 — Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.
 Брок 1907 — Брок О. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. Сб. ОРЯС, 1907. Т. 83.
 Высотский 1967 — Высотский С. С. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967. С. 5–82.
 Дьяченко 1900 — Дьяченко Г. М. Полный церковнославянский словарь. М., 1900. (Репринтное переиздание: Дьяченко Г. М. Полный церковно-славянский словарь. М., 1993).
 Дьяченко 2015 — Дьяченко С. В. Гласные первого предупредительного и ударного слогов в архаическом южнорусском говоре. Количественный анализ // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 17. М., 2015. С. 244–297.
 Дьяченко 2017 — Дьяченко С. В. Особенности коартикуляции в южнорусском говоре // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 12. Диалектология. М., 2017. С. 11–34.
 Зализняк 1985 (2010) — Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. (Переиздание: Зализняк А. А. Труды по акцентологии. М., 2010. Т. I. В переиздании сохранена нумерация страниц издания 1985 г.)
 Зеленин 1913 — Зеленин Д. К. Великорусские говоры с неорганическим и непреходным смягчением задненёбных согласных, в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913.
 Касаткин 2007 — Касаткин Л. Л. Особенности консонантизма говоров Слободского сельсовета Харовского района Вологодской области // Slavica Helsingiensia 32. Вопросы этнического, языкового и культурного формирования Русского Севера. Helsinki, 2007. С. 64–100.
 Князев, Пожарицкая 2011 — Князев С. В., Пожарицкая С. К. Современный русский литературный язык: Фонетика, орфоэпия, графика и орфография: Учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011.
 Кодзасов, Кривнова 2001 — Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика: учебник. М., 2001.

- Корпус говора села Роговатое — Тер-Аванесова А. В., Дьяченко С. В., Колесникова Е. В., Мальшева А. В., Игнатенко Д. И., Панова А. Б., Добрушина Н. Р. Корпус говора села Роговатка. 2018. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. Электронный ресурс: [<http://www.parasolcorpus.org/Rogovatka/>].
- Николаев 2015 — Николаев С. Л. Новые данные о рефлексах *о и *ъ в русских говорах // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 17. Судьба славянских диалектов и перспективы славянской диалектологии в XXI веке. М., 2015. С. 90–188.
- Пауфошима 1973 — Пауфошима Р. Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1973.
- Савинов 2013 — Савинов Д. М. Эволюция систем вокализма в южнорусских говорах. М., 2013.
- Соболевский 1907 (2004) — Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. Издание четвертое. М., 1907. (Репринтное переиздание: Соболевский А. И. Труды по истории русского языка. М., 2004. Т. 1).
- Тер-Аванесова 2008 — Тер-Аванесова А. В. Фрагмент системы именного словоизменения и акцентуации слободского говора // Материалы и исследования по русской диалектологии. III (IX). М., 2008. С. 67–111.
- Тер-Аванесова 2015 — Тер-Аванесова А. В. Ударение и корневой вокализм *i*-глаголов в южнорусском говоре села Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл. // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 17. Судьба славянских диалектов и перспективы славянской диалектологии в XXI веке. М., 2015. С. 298–333.
- Успенский 1969 — Успенский Б. А. Из истории русских канонических имен (История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам). М., 1969.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М., 1987.
- Шахматов 1914 — Шахматов А. А. Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии: (посвящается профессору Олафу Броку). С.-Петербург, 1914.
- Delattre, Liberman, Cooper 1955 — Delattre P., Liberman A. M., Cooper F. S. Acoustic loci and transitional cues for consonants // Acoustical Society of America, Vol. 27, № 4, July 1955, Pp. 769–773.

Summary

Svetlana V. Dyachenko,
Aleksandra V. Ter-Avanesova

The phonetics of loanwords and loaned phonetics in a Russian dialect with seven vocalic phonemes: the stems with the [e]-like phonemes

The paper deals with the data of the dialect of Rogovatoje, Belgorod region; in its vocal system there are monophthong /e/ < *e, *ь and diphthong /ê/ < *ě. In the words borrowed from Church Slavonic, in proper names /ê/ is pronounced before *j* (*Andrêj, Marêja*), /e/ in

other positions (*S'érgv d'en'*). In *nepolnoglasiye* /e/ is pronounced (vr'ém'a). This distribution is close to that in Ukrainian language. In loanwords that come from Jiddish /e/ is found (*x'éd'er, p'és'ik'i*). Many words from European languages and also from written Russian have been borrowed in XIX–XXI through standard Russian, professional and official variants of Russian and colloquial substandard “city” language. In such words, there are phonetical positions where phonemes /e/ and /ê/ are distributed (/e/ after hard consonants: *xv'zéndá, céntra*, after *j*: *jévry*, in the beginning of the syllable: *p'vét, /ê/* after velars: *pak'éť*). After labial and dental “semisoft” consonants both /e/ and /ê/ occur (*pr'émiya, tar'élka*). For proper names familiar to the dialect speakers since XX c. /e/ is a common case (*Lén'in, Br'ézhnev*, but *Am'êrikalAm'érika*). The factors of novelty and foreignness and also the factor of culture must be important for use of /e/ in loanwords, while the choice of /ê/ must be due to the imitation of the standard pronunciation. Some other cases of loaned phonetics are described in the article: the imitation of standard *ikanje* in loanwords (*p'irs'ick'ij*) and in a “school” word *chityre*.